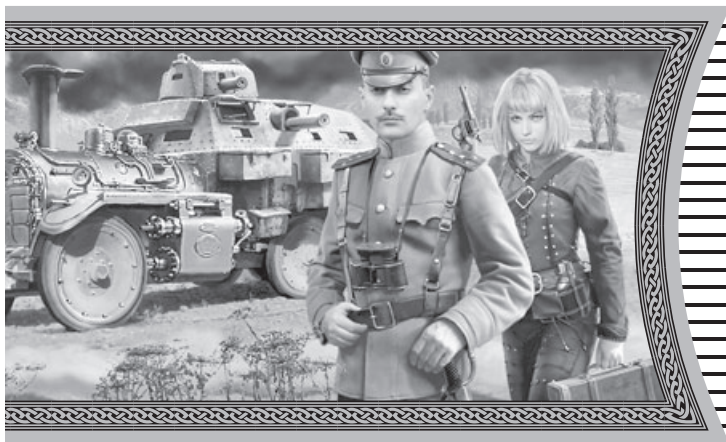

фантастическая
история

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Руслан Бирюшев
Ветер с Востока

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б64

Серия основана в 2010 году
Выпуск 126

Бирюшев Р. Р.

Б64 Ветер с Востока: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2567-9

На дворе эпоха пара и стали, пневматических ружей и робких экспериментов с электричеством. Российская империя расширяет свои азиатские владения. Сыщице Анастасии, еще вчера служившей полевым агентом, поручено создать на новых землях филиал самого таинственного подразделения царской охранки — Особой экспедиции и возглавить его. Молодой офицер-кавалерист Николай, волею судеб ввязавшийся некогда в дела Экспедиции, должен стать главным помощником Анастасии в этом непростом деле. Ведь у нового филиала пока нет ни средств, ни лишних сотрудников... А задачи его — расследовать таинственные и необъяснимые дела, с которых едва ли когда-либо снимут гриф секретности.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Бирюшев Р. Р., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2567-9

ГЛАВА 1

— Что там происходит? — поинтересовался капитан Николай Дронов, привставая в стременах. Его отряд возвращался в Пишпек с запада, садящееся солнце било в спину, но разглядеть, что за кутерьма образовалась в воротах крепости, все равно не выходило.

— Да поди пойми, Николай Петрович, — отозвался один из спутников капитана — унтер Керченский, худой узкоплечий москвич, на котором нелепо сидел драгунский мундир. Кроме унтера Николая сопровождали семеро рядовых драгун и трое местных воинов-киргизов из племени бугу. Именно старший воин, Джантай, уверенно заявил:

— Застряло что-то. Ругаются.

— Доедем — посмотрим, — хмыкнул капитан, ни на секунду, впрочем, не сомневаясь в правоте бугинца. Тот обладал феноменально острым зрением и отличался гибким умом, что делало его превосходным разведчиком.

Остаток пути смешанный отряд преодолел за четверть часа, пустив уставших лошадей шагом. Дронов покачивался в седле, зевал и разглядывал приближающиеся стены Пишпека. Закатные лучи окрасили их в багрянец, и издалека могло показаться, что крепость кирпичная, будто московский Кремль. Но верить глазам не стоило — вся она, от внешних контрфорсов до самой цитадели, была возведена, по сути, из глины. Возведена, однако, умело и на совесть, явно при помощи военных инженеров из Арабского Халифата, а то и из Англии. Если бы еще бравые вояки хокандского хана, которому крепость принадлежала раньше, умели сперва целиться, а только потом стрелять...

— Ты смотри, — без особого удивления буркнул Керченский, когда они по откидному мосту пересекли крепостной ров. — Опять угадал, а?..

В распахнутых воротах стояла, занимая половину проема, огромная повозка-арба, запряженная двумя волами и с верхом груженная кожами. Но причиной затора служила не она. Чуть дальше, уже полностью перегораживая проезд, торчал заглохший броневоз — покрытая копотью стальная коробка на гусеницах, с короткой дымовой трубой позади квадратной рубки. Подобные машины предназначались для уличных боев и штурма полевых укреплений, однако, по сути, были просто бронированными паровыми тракторами. И после того как боевые действия завершились, а Пишпек из недавнего трофея превратился в постоянную базу российских войск, их стали использовать именно в таком качестве — как вспомогательную технику. Благо на многочисленных стройках вокруг крепости помощь машин требовалась постоянно. Разумеется, штурмовые лестницы и прочее сугубо боевое оборудование с паровиков давно сняли, однако в размерах от этого они не особо уменьшились.

— Да-а... — в тон унтеру протянул Дронов, устало наклоняясь к гриве коня. — Я-то надеялся отчитаться — и домой...

Проехать затор верхом не было никакой возможности — между стеной и броневозом едва протиснулся бы пеший, а собравшаяся вокруг машины толпа еще больше стесняла движение. Кого здесь только не было — мелькали мундиры, костюмы европейского покроя, традиционные местные наряды разных мастей... Помимо военных из гарнизона, имперских чиновников и их семей, в крепости и вокруг нее жили также киргизы-кочевники, осевшие под защитой стен или прибывшие по делу из своих стойбищ, хокандцы-крестьяне, бежавшие к русским от непосильных ханских налогов, бухарские и хивинские купцы, явившиеся за фабричными товарами из России... И представители всех этих групп сейчас дружно, в едином порыве, орали на несчастного машиниста, который вместе с кочегаром пытался завести свое железное чудовище.

— Николай Петрович? — Дронова вдруг потянули за полу мундира.

— А? — Он опустил взгляд и увидел молодого ефрейтора — кажется, из канцелярии коменданта. — Да?

— Вас просят срочно в канцелярию подойти, на третий этаж. Я тут уже второй час торчу, вас жду...

— Ох... — Капитан сдвинул выцветшую фуражку на затылок и потер лоб. — Да мне самому коменданту отчет надо бы сдать, по результатам разведки. Не то чтобы срочный, но важный... А что случилось-то?

— Мне не сообщили, — пожал плечами ефрейтор. — Разве что... Как вы утром уехали, прилетел курьерский дирижабль. Да причалил не у складов, а в самой цитадели. Улетел почти сразу, и часа не провисел. Может, и связано...

Дронов несколько секунд смотрел на собеседника с очень странным выражением лица, потом сморгнул:

— Что-то у меня, как французы говорят, дежавю... Двухгодовой давности... Тогда тоже так начиналось.

— Что, господин капитан? — не понял ефрейтор.

— Не так важно... — Николай вновь потер лоб. — Ладно уж, веди.

Он спешился и кинул поводья одному из драгун:

— Простите, братцы, что бросаю... До казарм уж без меня доберетесь.

— Тогда мы внутрь не поедем, — коротко сказал Джантай, и оба его товарища закивали, соглашаясь. — К себе поедем.

— Конечно. — Капитан мысленно усмехнулся — киргизский воин посредственно владел русским языком, однако умело это скрывал, говоря рублеными фразами, избегая сложных слов. — Но завтра пришли человека в крепость, вы можете понадобится.

Распровавшись с товарищами, Дронов последовал за ефрейтором. Тот повел его в обход столпотворения, через караулку, что было кстати. Задержавшись немного, Николай выпросил у дежурного офицера карандаш и клочок бумаги, на котором коряво вывел сообщение коменданту:

«Утренняя свещения частично подтвердились. В сорока километрах к югу от Пишпека, где пастухи видели всадников в ханских мундирах, нашел следы подков, какие носят строевые лошади Хоканда. Нужно уточнять. *Дронов*».

— Третий этаж... Третий этаж... — кряхтел под нос Николай, поднимаясь по крутой лестнице. Канцелярия коменданта делилась на две части — военную и с недавних пор еще и гражданскую. Военная канцелярия с первых недель размещалась в одном из старых зданий цитадели, а вот для гражданской рядом возвели отдельное, новое. Благо цитадель занимала половину Пишпека, так что свободное место нашлось. Строение вид имело отнюдь не азиатский — прямоугольное, аж в три этажа, что по местным меркам очень много, беленое, с застекленными окнами... Особенно же его выделяли новенькие, блестящие на солнце серебром металлические трубы пневмопочты, «подпоясывающие» каждый из трех этажей на уровне пола. Множество отростков ныряло внутрь стен, к установленным в кабинетах терминалам приема. Позади здания поднимался дымок — там, ближе к крепостной стене, пыхтела маломощным котлом крошечная станция подкачки, позволяющая сохранять давление в трубах на этом финальном участке почтовой сети. Возможно единственная в регионе, обеспечивала она лишь гражданскую канцелярию и отдельный терминал срочной связи при штабе.

Таким образом, прибежище бюрократии на фоне военных построек выглядело вполне впечатляюще, однако чем в крепости занимались гражданские чиновники, все равно не до конца было понятно остальному ее населению — судя по всему, они готовили почву для превращения сугубо военной фортеции в полноценный город, хотя бы на бумаге. Российская империя только-только утвердилась в Чуйской и Иссык-Кульской долинах, но новым землям уже требовалась столица.

— Третий этаж... — еще раз повторил капитан, перешагивая последнюю ступеньку. — Пятая дверь...

В коридоре было темно — единственное окно выходило на восток, а солнечный диск как раз коснулся горизонта на западе. Зато отыскать среди непрономерованных дверей пятую оказалось просто — из-под нее пробивалась полоска теплого желтого света. Внутри горел химический фонарь, и значит, там кто-то был. Остальные помещения, очевидно, пустовали, что не удивительно — гражданскому штату первого этажа пока хватало с лихвой.

— Ладно... — Дронов перевел дух и толкнул створку. Немедля шагнул внутрь, готовый вытянуться во фронт и отдать честь, если в кабинете окажется какая-то важная персона, — ведь не зря же молчал посыльный...

— Ну здравствуйте, Николай Петрович. — Молодая женщина поднялась из-за письменного стола, на котором ровно горел золотистый светильник, и улыбнулась — случайный человек сказал бы, что весьма зловеще.

— Здравствуйте... Настя, — ответил Дронов, чувствуя, как губы словно сами по себе расплываются в ответной улыбке. Персона и в самом деле важная... Дежавю, говорите?

Полтора года назад, когда русские войска еще только шли на Пишпек, сыскной агент Третьего отделения Анастасия Егоровна Агафьева вела в Чуйской долине тайное расследование, и Николай вместе со своими людьми обеспечивал ее безопасность. По окончании работы расстались они очень тепло, девушка обещала присылать весточки при возможности, но увидеть ее вновь Дронов не особо рассчитывал. Хотя спустя пару месяцев и признался себе с непонятным удовлетворением, что искренне скучает по этой эксцентричной особе, которую и знал-то считанные дни. А теперь — пожалуйста... Вот она, Настя, стоит перед ним, знакомо усмехаясь. И не изменилась ни капли. По-прежнему стройная и поджарая до легкой худобы. Густые темные волосы по-прежнему собраны в два низких хвостика, перетянутых на уровне шеи, и только длинные прямые пряди спадают на виски. Усмешка та же самая, совсем не девичья, вызывающая острое желание проверить карманы — на месте ли кошелек и часы? А главное — малахитово-зеленые глаза тоже прежние, вечно улыбающиеся за линзами овальных очков в тонкой серебряной оправе. И привычка одеваться по-мужски никуда не делась: сейчас на сыском агенте были черные брюки навыпуск, туго подпоясанные офицерским ремнем с литой пряжкой, серая рубашка с жестким воротником и легкая жилетка, едва прикрывающая лопатки. Вообще местные девушки часто носили узорчатые жилеты с платьями, но эта была именно от мужского европейского костюма. Не удержавшись, Николай бросил взгляд на вешалку в

углу — как и следовало ожидать, на ее крючках висели шляпа с узкими полями и коротенькая летняя курточка. Следы от споротых знаков различия на воротнике и рукавах последней давно изгладились, однако Дронов побился бы об заклад, что это та самая куртка, в которой Настя была при их первой встрече. И шляпа та же, хоть перо уже не серое, а, в тон самой шляпе и куртке, светло-коричневое...

— Ну как, шок прошел? — осведомилась девушка. — Говорить можете?

— Ага. — Николай спохватился, что молчит уже добрую минуту, и постарался поддержать полушутливый тон хозяйки кабинета. — И даже хочу, хоть и устал страшно. Сколько мы не виделись?

— Хм... — Агафьева отступила на шаг и почесала кончик носа в деланой задумчивости. — Сейчас у нас апрель четырнадцатого, тогда был август двенадцатого... Двадцать месяцев, выходит, знакомы. Ровно двадцать. — Она чуть наклонила голову и хитро глянула на него поверх овальных линз. — Немало, а? Может, уже перейдем на «ты»?

Капитан открыл было рот, чтобы уточнить: они не двадцать месяцев знакомы, а были знакомы двадцать месяцев назад, разница велика... И приличные люди с девушкой так просто на «ты» не переходят, даже если она служит в тайной полиции государя... Но вместо этого хмыкнул:

— Договорились. — И после новой паузы опять улыбнулся: — Я... рад тебя видеть, Настя. Честно.

— И я тебя. Хочешь верь, хочешь не верь... — Анастасия Егоровна вернулась за стол и сделала приглашающий жест. — Садись, побеседуем.

— Так, значит, это ты меня вызвала? — Дронов послушно опустился на предложенный табурет.

— Я, — ответила Настя, дописывая что-то на лежащем перед ней листе. Закончив, протянула бумагу мужчине. — Поставь подпись.

— А что это? — Капитан принял листок, прочел заголовок. Удивленно вскинул брови.

— Да, — кивнула девушка. — Подписка о неразглашении. Всего, что ты можешь узнать, работая вместе со мной.

— Так... ты опять что-то у нас расследуешь? — догадался Николай, пробегая взглядом ровные строчки на желтоватой бумаге: даже при плохом освещении агент писала очень мелко и убористо.

— Хуже. — Настя облокотилась о столешницу, сплетая пальцы перед лицом. Очки сверкнули, на миг потеряв прозрачность. — Я теперь здесь работаю на постоянной основе.

— То есть?

— С сегодняшнего дня в Пишпеке открыт филиал Особой экспедиции Третьего отделения, — пояснила девушка. — И мне поручено его возглавить.

— Ух ты! Поздравляю, — искренне сказал Дронов, отрываясь от чтения. — Так ты теперь не простой сыскарь, а большая начальница?

— Ну, как большая... — не меняя позы, пожала она плечами. — Видишь эту комнату? Все имущество филиала находится в ней.

Николай еще раз огляделся. Стол, светильник, прежде замеченная вешалка, табурет, стул, на котором сидит Настя, грубо сколоченный шкаф, протертый до дыр войлочный ковер на полу, заклепанный обрубок трубы, торчащий в углу вместо почтового терминала... И голые стены.

— Негусто, — признал он.

— Более того. Перед тобой сейчас ровно половина личного состава отдела. — Она прижала ладони к груди, как бы представляясь. — Помимо кабинета, в моем распоряжении аж целых пятьсот казенных рублей и один сотрудник.

— Телохраниль?

— Если бы. Ученица-стажерка. Навесили перед отправлением... Сейчас она в архиве коменданта, позже познакомлю.

— Тоже ведь неплохо. — Офицер все же сдержал улыбку, пощадив чувства собеседницы. — Раз тебе поручают воспитывать стажеров — значит, признают твой опыт и мудрость.

— Угу... — Настя прокашлялась в кулак и вдруг произнесла незнакомым мужским голосом: — «Она такая же бестолочь, какой была ты десять лет назад. Вы поладите».

Дронов видел этот трюк прежде, когда при первой встрече агент виртуозно воспроизвела речь полковника Эйммер-

мана, корпусного командира. Потому в ответ он лишь сочувственно кивнул:

— Ясно тогда, зачем я тебе понадобился...

— Надеюсь на всестороннее сотрудничество, — подмигнула Настя, откидываясь на жесткую спинку. — В прошлый раз вроде неплохо получилось, а?

— Неплохо, так что можешь на меня рассчитывать. — Дронов наконец взял перо и поставил подпись внизу документа о неразглашении.

— Этого достаточно, — улыбнулась девушка, не разжимая губ. Вышло почти мило. Николай уже успел привыкнуть к тому, что обычная улыбка Анастасии Егоровны больше подходит опереточному злодею, однако каждый раз, видя ее, все равно ощущал на спине холодные мурашки. — Поговорим о деталях завтра?

— Почему же, — поднялся капитан. — Можно и сейчас. Только, с твоего дозволения, в другом месте. Более приятном...

— Потрясающе, — выдохнула Настя, придерживая наброшенную на плечи курточку. Солнце уже скрылось, оставив на западе золотую полосу вдоль горизонта, и в глиняном Пишпеке было прохладно. — Вот уж чего не ожидала увидеть в крепости...

Персики и абрикосы цвели вовсю, и маленький пруд, вокруг которого они росли, был густо усыпан опавшими лепестками — белыми, розовыми... Легкий ночной ветерок, всегда поднимающийся после заката, качал их на едва заметных волнах... А между тем располагалось это чудо в двух шагах от торговых рядов, вплотную примыкающих к воротам. До внешней стены было рукой подать.

— Хокандцы — жители Ферганы, привыкшие к фруктовым садам, — сказал Николай, косясь на девушку. Хоть по женским меркам Настя и была довольно высокой, драгунский капитан превосходил ее ростом на целую голову. — Кусочек этих садов они принесли с собой... Ну а мы оставили все как есть.

С минуту они молчали, стоя плечом к плечу и слушая, как журчит канальчик, питающий пруд свежей водой. На стенах

перекликались часовые, зажигались сторожевые огни, а в темнеющем небе проблескивали первые звезды. Со стороны купеческих лавок доносились голоса и скрип тележных колес — торговцы закрывали свои заведения на ночь.

— Ладно, — не без сожаления вздохнул Дронов. — Пора и к делу.

— Как скажешь. — Девушка сошла с земляной площадки, на которой они стояли, и присела на ее край, вытянув ноги к воде. Николай, не колеблясь, опустился рядом.

— Так какой помощи ты от меня ждешь? — поинтересовался он. — Конкретно?

— Ну уж не филерской, — хмыкнула Настя. — Охрана и консультация по местным вопросам. Если мне потребуется иметь дело с местными жителями или арестовать кого-то... Ну и, может, еще что-нибудь... Пока даже и не знаю. — Агент вздохнула. — Пойми, я тут совершенно одна и не могу разорваться на десять маленьких Настенок. А стажерку сама к серьезному делу не подпущу, рано ей. Она очень хорошо умеет влипнуть в неприятности, не хуже меня. Только выбираться из них самостоятельно еще не научилась. Ты представляешь, пока сюда добиралась, поездом и дирижаблем, мне трижды приходилось ее буквально за шиворот...

— Э... Кхм... А как насчет военной контрразведки? — осторожно перебил Дронов сыщицу. — У нас же есть при штабе служба, неплохо налаженная, с агентурой.

Девушка медленно сняла очки и, держа их за дужку, близоруко щурясь, глянула офицеру прямо в глаза. Спросила скептически:

— Как, по-твоему, в армейских службах относятся к Третьему отделению?

Дронов промедлил с ответом — он рассматривал тонкий шрамик на правой скуле Насти. Белесая полоска шла от крыла носа к уху, аккуратно под нижним краем очков. Эту отметку девушка заработала в прошлое их совместное приключение — и отнеслась к ней с поразительным пренебрежением. Тогда она уверяла, что шрам затянется без следа, но, очевидно, ошиблась...

— Эй!

— Ох, прости. — Отогнав несвоевременные воспоминания, капитан собрался с мыслями и хлопнул себя по лбу. — Ну я и дурак...

— Вот именно, — кивнула Анастасия, надевая очки. — Это лично ты со мной давно знаком, а вообще в армии нас не любят. С разведслужбой же и вовсе прямая конкуренция... Формально они должны мне помогать, но мне-то помощь будет нужна реальная. К тому же мы вряд ли будем с ними часто пересекаться. Напомню — мне здесь велено создать не просто филиал Третьего отделения, а конкретно — Особой экспедиции.

— Ага, и значит...

— Значит, войсковая контрразведка может и дальше ловить шпионов и дезертиров. Меня же интересуют в первую очередь... пришельцы с той стороны зеркала. — Девушка запрокинула голову, чтобы посмотреть на звезды, и линзы ее очков ярко сверкнули.

Над крепостью серебряной ханской монетой висела полная луна...

ГЛАВА 2

— Итак, господа, прошу любить и жаловать — Саша. Моя ученица и, можно сказать, протеже. — Анастасия Егоровна, улыбаясь, приобняла за плечи стоящую рядом с ней крошечную сероглазую блондинку. Настолько маленькую и тоненькую, что даже возле хрупкой Насти она казалась миниатюрной. Примерно как сама Настя — на фоне здоровяка Дронова.

— Польщен знакомством, — кивнул Николай, глядя на начинающую сыщицу с высоты своих двухсот двух сантиметров. На вид ей было лет семнадцать. Метра полтора ростом, золотые волосы стрижены под каре. Одета в дамский охотничий костюм темно-коричневой замши, на ногах сапожки из тонкой дорогой кожи, на поясе — щегольская кобура, подвешенная у бедра, а не у талии. Аскетичных замашек наставницы стажерка явно не разделяла. — Я — капитан

Дронов, Николай Петрович. Можно просто — Николай. А вы, значит, Александра?..

— Александровна. — Девушка попыталась высвободиться, но Агафьева лишь крепче ухватила ее и притянула к себе, прижав к боку. — Анастасия Егоровна, прекратите!

— Это ты прекрати. — Госпожа сысской агент с усмешкой похлопала стажерку по плечу. — Если я здесь Настя, то и ты будешь Саша. Иначе глупо выйдет, верно? Я же старше.

— Верно. — Девушка понурилась.

— К тому же я хочу, чтобы вы с Николаем и его людьми подружились. Так намного проще будет работать.

— Ну, я уверен, проблем не будет в любом случае, — заверил Дронов, и собранные им для выезда солдаты одобрительно загудели. Учитывая, что большинству из них Саша как раз годилась в дочери, а паре новобранцев — в невесты... Интересно, в штабе Третьего отделения рассчитывали на такой эффект, когда посылали основывать филиал двух девушек?..

После вечернего разговора они с Настей расстались далеко не сразу. Несмотря на усталость, капитан вызвался проводить гостью до апартаментов — не столь из галантности, сколь из желания подольше быть рядом с ней. Еще с первой их встречи, такой недолгой и давней, сыщица вызывала у Николая какое-то удивительно теплое чувство, совершенно не похожее на банальную увлеченность. Общаться с Настей было просто... приятно, иначе и не скажешь. Так что офицер искренне обрадовался, когда она согласилась.

А идти оказалось неблизко. Приезжей сыщице выделили глинобитный домик аж за крепостной стеной, в ремесленном поселке, где жили в основном кузнецы, гончары и многочисленные местные землепашцы. Они мало участия принимали в готовящихся грандиозных стройках, затеянных пришлыми военными, потому жизнь на кривых улочках текла несуетливая и размеренная, не то что в самой крепости. Наверное, комендант Пишпека пытался таким образом хоть на ночь убрать служащую охранки из своих владений, чтобы не вертелась поблизости. Домик, впрочем, был добротным и просторным, даже обставленным кое-какой мебе-

лю — в центре единственной большой комнаты стояли круглый дощатый стол и три глубоких плетеных кресла, у стены высился пустой стеллаж. К этой комнате примыкали кухня, прихожая и закуток с кроватью, снабженный занавеской. Не хватало разве что ванной комнаты, но, учитывая отсутствие в Пишпекке водопровода, это не удивляло — для поддержания чистоты при гарнизоне имелись бани, а в кухне Дронов приметил большущий умывальник. На опрятно застеленной кровати валялись не разобранные пока вещи хозяйки — всего-то пара седельных сумок да солдатский заплечный мешок. Вряд ли Насте требовалась помощь, чтобы их разобрать, однако выгнать капитана сразу она не стала — усадила его в кресло, зажгла на столе свечи и скрылась на кухне, пообещав заварить чаю, если найдет дрова и воду. Ожидая ее, Дронов на мгновение смежил веки...

Когда он вновь открыл глаза, Настя сидела напротив, закинув ногу на ногу и сложив ладони на колене. И улыбалась. От неожиданности Николай вздрогнул:

— Ох... Извини. Я задремал, кажется...

— Еще как, — кивнула девушка. — Уже пять утра. Четверть шестого, если точнее.

— Сколько?! — Офицер вскочил на ноги и рывком повернулся к окну. За ним было светло. — Мне же нужно...

— Только через час, — успокоила его Анастасия. — К тому же тебе не надо идти в столовую на завтрак — я уже приготовила яичницу. Чуешь запах? Думаю, он тебя и разбудил.

— Господи... — Николай плюхнулся назад, в кресло. — Ты не должна была...

— Считаю это моей платой за первую небольшую услугу, — подмигнула девушка. — Ты же отвечаешь за патрули, организуемые гарнизоном? И сам в них частенько ездешь?

— Верно. Сегодня как раз намеревался...

— Возьмешь мою стажерку с собой? Устроишь ей небольшую экскурсию по ближним окрестностям? Чтобы освоилась немного да после перелета размялась. Верхом она ездит, мешать не будет...

— Мм... — На секунду задумавшись, Дронов поскреб подбородок. — Пожалуй, можно устроить. А где она поселилась, кстати?

— В офицерской гостинице, там же, где и ты. Вы бы еще вчера встретились, если бы ты не уснул. Но с утра должна отправиться в канцелярию, документы добить. Я ее сама приведу и проинструктирую, не беспокойся. — Сыщица поднялась, гибко потянулась и зевнула. — А сейчас — пора перекусить...

Солнце поднималось все выше, пронзая золотистыми лучами взметенную копытами лошадей дорожную пыль. Тракт, начинающийся у ворот крепости, назывался Ташкентским, поскольку шел на запад, к богатым торговым городам Ферганской долины. После того как крепость сменила хозяев, движение по нему не прекратилось — Пишпек был последним, самым отдаленным форпостом, где оседлые торговцы со всей Средней Азии могли спокойно заключать сделки с кочевниками гор Тянь-Шаня и Великой Степи. И Россия совершенно не собиралась им мешать — имперские купцы, особенно татары-мусульмане, сами были не прочь включиться в здешний товарооборот. Благо у них теперь появилась масса возможностей по продаже фабричных изделий, столь ценимых и кочевым, и оседлым населением края.

Маленький отряд, в который помимо Дронова и стажерки входили также десять драгун и киргиз-проводник, шел по тракту рысью, растянувшись вдоль обочины. Навстречу ему то и дело попадались тяжелогруженные арбы, небольшие караваны верблюдов и выючных лошадей, порой сопровождаемые охраной. Некоторые охранники здоровались с их проводником — безопасность приезжих негоциантов за небольшую плату обеспечивали местные же племена. Патрулирование дорог также лежало на них, по уговору с русскими властями.

— Мы уже достаточно далеко отъехали, — заметил Николай, когда стены Пишпека скрылись из виду. — Саша, неужели у вас до сих пор нет вопросов?

— Ну-у... — протянула едущая по правую руку от него Александра, забавно хмурясь. Лошадка ей досталась нестроевая — низенькая и тихая, позаимствованная Дроновым у знакомого лавочника. И все же ее спина была широковатая для крохотной девушки. — Ничего по существу.

— А не по существу? — улыбнулся капитан. — Вы не стесняйтесь, спрашивайте о чем угодно.

— Анастасия Егоровна сказала, что вы сейчас на службе, я не хочу мешать.

— Хех... — Дронов пригладил ус. — Вчера вечером я официально продался в рабство вашей начальнице. Так что моя служба — помогать ей и вам, помимо прочего. Кроме того, если я не смогу сделать эту поездку интересной для вас, то утренняя яичница останется неотплаченной, а я не люблю быть в долгу.

— Яичница? — Стажерка удивленно приподняла брови.

— А... забудьте, пустяк. Кстати, а хотите — я буду называть вас Александрой Александровной?

— Нет, я вовсе не против «Саши», — покачала девушка головой. — Просто... растерялась, наверное. Никак не привыкну к Анастасии Егоровне. Она... странная.

— Методы у нее действительно интересные, — нейтральным тоном согласился Дронов. По большому счету он тоже так считал, но обсуждать с юной сыщицей ее наставницу едва ли было педагогично. К тому же Настя ему именно такой и нравилась.

— Меня зачислили к ней в ученицы буквально за три дня до отъезда из Москвы, и я ни разу не смогла поймать ее в штаб-квартире, — продолжала стажерка. — Впервые встретились мы уже в поезде на Омск, в купе. И знаете, какое первое задание она мне дала?

— Вы вместе лепили пельмени, — уверенно предположил Николай. — Наверное, в поезде это неудобно делать.

— Э-э... — Саша кашлянула в кулак. — Как вы?..

— Когда в прошлый Настин приезд мою роту назначили ей в охрану, первое, что она сделала, — научила моих бойцов лепить пельмени. Чтобы наладить контакт с отрядом. По ее собственному выражению: «К человеку, вместе с которым

лепил пельмени, трудно относиться как к чужаку и построннему». Вот я и решил, что с вами вышло так же.

— Да... уж... Ой, то есть я не хочу ее обидеть! — Девушка вскинулась, а ее лошадка фыркнула и тряхнула гривой, словно из солидарности. — Анастасия Егоровна хороший человек и опытный агент. Если я не понимаю ее действий — это моя вина, а не ее. Я еще ничего не умею, но хочу учиться — и ищу учителей. Она научит меня сыскному делу... А вы — местной специфике, я надеюсь. Просто нужно стараться.

— Правильно мыслите. Однако я думал, звание стажера присваивают после прохождения обучения. Неужели в Третье отделение берут так легко?

— Нет, меня учили, конечно. Стрелять, управляться с лошадьми и машинами, делать логические заключения... — Саша вздохнула. — Дедукция, индукция, история преступлений... Но все это — практически не выходя из московских павильонов. Понимаете? Этого мало.

— Понимаю, — кивнул офицер. — Что ж, я уже сказал, что на мою помощь можете рассчитывать. Учитель из меня, наверное, не лучше, чем из Насти, но вот послушайте, для начала... Возьмите в следующий раз под револьвер другую кобуру. Самую простую, армейскую. Эта очень красивая и действительно удобна, чтобы быстро выхватывать оружие... Но не чтобы ездить верхом. Да и пешком с ней долго ходить не стоит. Если хотите, я попрошу в арсенале что-нибудь.

Девушка поерзала в седле и хмыкнула:

— Благодарю, не стоит. Эту проблему я в силах решить сама.

Дронов кивнул еще раз — одобрительно.

Следующие несколько минут колонна двигалась в молчании. У одного из ответвлений тракта капитан поднял руку:

— Здесь поворачиваем на юг! Пройдем по второстепенной ветке пути и проверим окрестности. Ищем следы большого кавалерийского отряда.

Он оглянулся на Сашу, которая после его слов, похоже, всерьез озаботилась натирающей бедро кобурой и все вертелась, пытаясь сесть поудобнее. Обнадежил:

— Скоро сделаем привал. Немного в сторону от дороги будет речка, если проедем вдоль нее, то попадем в айыл бугинцев, дружественного племени. Там напоим коней и отдохнем. Возможно, людей Джантая встретим, моего помощника из здешних...

— Айыл?

— Стойбище кочевников. Что-то вроде переезжающей деревни.

— А, я видела! — оживилась девушка, мигом позабыв о кубуре. — В Омске мы пересели на дирижабль, идущий до Пишпека, и командир нам во время перелета показал кочующее племя — верблюды, лошади, повозки... Все движется в такой пыли, что людей и не разглядеть.

— Это были степные киргиз-кайсаки, — подтвердил Дронов, довольный тем, что смог ее отвлечь. — Горные кара-киргизы, живущие здесь, обычно повозками не пользуются, это неудобно на узких тропах. Но жилища у них очень похожие — сборные юрты или кибитки. Только степняки круглый год кочуют по обширной равнине, а здешние обитатели летом поднимаются к высокогорным пастбищам, зимой спускаясь ниже, чтобы укрыться в ущельях или лощинах. Они даже не совсем кочевники — у каждого племени есть свои постоянные места обитания в определенное время года. — Тон капитана сделался менторским, слегка отвлеченным, с почти мечтательными нотками. — Каждая семья четко знает, где именно проведет самые холодные месяцы, а где — самые теплые. Между такими стоянками они перемещаются в бесконечном годовом цикле и меняют их только во время войн или иных несчастий, когда что-то вынуждает весь народ покинуть обжитые места. По-моему, такое отношение к земле роднит кара-киргизов с оседлыми народами — хотя бы отчасти.

— Вам, похоже, все это очень интересно. — Взгляд девушки на несколько мгновений сделался цепким, внимательным. Она посмотрела на него искоса, не поворачивая головы. Эти секунды Саша действительно выглядела настоящим агентом охраны. — Так увлеченно рассказываете...

— Я начинал свою службу в степных гарнизонах и там познакомился со многими киргизами. Потом участвовал в по-

ходе против хокандцев, который меня и привел в эти долины... И всюду наблюдал схожесть и различия разных племен. — Офицер пожал плечами. — Узнавать подобные вещи в самом деле весьма интересно. А также полезно — ведь нам приходится то противостоять, то сотрудничать.

— Чтобы работать с людьми — нужно их понимать, — согласилась Саша. — Одна из аксиом, что мне вдолбили. Времени подготовиться к командировке у меня, правда, не было, однако Анастасия Егоровна еще при первой встрече, в поезде, всучила мне целую кипу вырезок из научных журналов и разных газет — статьи этнографов, выдержки из путевых дневников, сообщения о Хокандской войне... А по вечерам, за чаем, рассказывала истории из личного опыта. Интересные. Она почти как вы — начинала далеко отсюда, потом осела в Степном отделении и много лет там работала. Сюда ездила однажды... Ну да вы знаете.

— А в Халифате она не бывала? — задал Дронов вопрос, который интересовал его уже давно. Познакомившись в свое время с Настей, офицер отметил, что госпожа сыскной агент явно впервые работает среди горных киргизов, однако хорошо понимает общие восточные традиции и знает многие бытовые мелочи — как правильно держать пиалу с чаем, например.

— Вроде бывала... — Стажерка оглянулась на приотставших драгун, понизила голос. Все же Великий Халифат, с его владениями от Красного моря до Дарданелл, не среднеазиатские ханства, и запросто говорить о том, что твоя наставница там «работала»... — Она мне рассказывала, как посещала Иерусалим, но, кажется, вполне легально, с греками-паломниками.

Николай решил, что углубляться в тему больше не стоит, и перевел разговор на более обыденные вещи — рассказал про жизнь гарнизона, послушал свежие новости из столицы. В отдаленный Пишпек известия о событиях в мире доходили запоздало. Саша охотно делилась сведениями, окончательно забыв о дорожных неудобствах. Дронов поддерживал беседу, а сам вполглаза следил за окрестностями и думал — как же эта девочка попала в охранку? Да еще не куда-нибудь, а в ученицы к полевому агенту-сыскарю? Ладно сама На-

стя — особа и впрямь странная, с крайне оригинальным для женщины складом ума. Однако Саша выглядела вполне обычной. Девушкой отнюдь не робкой, смышленной, целеустремленной — но и только. Пожалуй, стоит расспросить — и лучше всего не ее саму, а Настю, по возвращении.

К стойбищу отряд вышел около полудня. Две дюжины войлочных юрт рассыпались вдоль пологого берега мелкой речушки на первый взгляд беспорядочно — однако при внимательном рассмотрении можно было заметить, что они образуют нечто вроде подковы, упирающейся тупым концом в береговую линию. В центре же «подковы», в самом безопасном месте, находились загоны для скота. Сейчас они пустовали — скот был на пастбищах.

Когда русских заметили, им навстречу выехали вооруженные всадники — совсем еще мальчишки, не старше пятнадцати лет. Пока взрослые мужчины стерегли пасущиеся овечьи отары или сопровождали проходящие мимо караваны, юноши охраняли оставшихся дома женщин и стариков. Благо на территории, прилегающей к Пишпеку, вражеских набегов можно было особо не опасаться — имперские военные не допускали междоусобиц среди ближайших племен, а хокандские солдаты теперь приближались к крепости лишь в составе официальных посольств. До последнего времени...

Однако же молодые воины держались очень серьезно, даже слегка напыщенно. Они приветствовали гостей по всем правилам, осведомились об их намерениях и торжественно проводили к жилищу бека — таков был титул главы айыла. Сам бек, крепкий еще старик в ветхом шелковом халате хивинского шитья, церемонии счел излишними — сразу принялся деловито отдавать распоряжения соплеменникам, большинство из которых приходились ему родней. Солдатам Дронова выделили удобное место у воды, где можно было напоить коней и устроить привал. Остальным гостям пожилой кочевник уступил собственную юрту — самую большую в поселении, белую, украшенную яркими узорными лентами. В ней расположились Николай, Саша, проводник-переводчик и унтер Григорьев, непосредственно командовавший драгунами. Всех четверых усадили на по-

четное место возле дальней стены, застеленное толстым ковром. Вскоре женщины принесли горячую еду и... новенький пузатый самовар, сверкающий начищенными медными боками. Самовар водрузили в центр низкого столика, за которым сидели Дронов и компания.

— Ну надо же... — Александра, неожиданно ловко устроившаяся на ковре, разглядывала медного красавца с удивлением. — Как он сюда попал?

— О... Ничего особенного, — усмехнулся капитан, принимая у девочки-киргизки чайную пиалу. — К вашему сведению, Саша, это один из самых популярных российских товаров. Чай любят все восточные народы, а самовар особенно удобен для кочевников. Только не всем он по карману — народ тут бедный, а приезжие купцы дерут втридорога. Но бек может себе позволить.

— Понятно... — Сыщица-стажерка потеряла затылок. Дождавшись, пока женщины закончат расставлять посуду и выйдут, вдруг тихо спросила: — А чего они на меня так смотрели? Вы заметили, да? Из-за моей одежды, наверное?

— Хех, нет. — Дронов наклонился вперед, чтобы поставить пиалу под краник самовара. — Вот как раз киргизов девушкой в брюках не удивишь — у них это нормально для дорожной одежды. Просто вы сидите как мужчина — ноги подогнув.

— Ой! Это я на фотографии подсмотрела, в одной из вырезок... Там так хан какой-то сидел... Я так старалась повторить...

— И у вас неплохо получилось. — Офицер сжалился над девушкой и спрятал улыбку, заслонившись пиалой. Молчавший все это время Григорьев повторил «маневр» командира. — Сидите как настоящий хан. Женщина же должна сидеть боком, подтянув ноги к себе, а не подогнув их под себя. Как будто на диван забралась. Попробуйте, так даже удобнее.

— Я... сейчас попробую.

— Аккуратней, стол заденете. Ага, вот так. И странно, что вас не научила наставница. Настя умеет правильно, я сам видел.

— Наши занятия несколько... бессистемны. Наверное, просто не успела. Надеюсь, я не сильно оскорбила хозяев?

— Скорее позабавили. Северные кара-киргизы — народ терпимый и далекий от фанатизма. Привыкли, что от иноземцев можно ждать чудачеств. Например, по традиции владелец юрты должен составлять гостям компанию, но я попросил, чтобы нас оставили, и никаких проблем не возникло. Однако же дразнить судьбу не стоит, люди разные. Да и любому будет приятнее, когда его традиции уважают.

Саша открыла было рот для нового вопроса, но за войлочной стеной послышался нарастающий топот конских копыт. Кто-то осадил коня и спрыгнул с седла на землю у самого входа в юрту.

— Это еще что? — насторожился унтер.

Долго гадать не пришлось. Откинув полог, внутрь вошел Джантай, собственной персоной — пропыленный от пяток до макушки, с закинутым на плечо ружьем. Отыскав взглядом Дронова, довольно ослабил:

— Хорошо, что ты здесь. Я в крепость ехал, а ты здесь. Опять их видели.

— Где? — немедленно поднялся капитан, оставив пиалу.

— На рассвете. Еще южнее. Из рощи выезжали. Я посмотрел — там лагеря следы, на ночь стояли. Подковы те же. Всех своих разослал по айылам, воинов собрать и разведать вокруг — вдруг днем заметим? Только мало свободных, все заняты. Хотел тебя попросить — чтоб солдат дал.

— Я пошлю в гарнизон. Проводишь до той рощи?

— Конечно.

— Саша, — повернулся офицер к девушке, — я пошлю в Пишпек двух солдат, поедете с ними.

— Нет уж. — Маленькая сыщица быстрым глотком допила чай и тоже встала. — Солдаты и без меня доедут, а если вы там что-то осматривать собрались, то я могу пригодиться.

— Ох... — Дронов прижал ладонь ко лбу, на миг зажмурился. Решившись, махнул рукой. — Ладно, идете с нами. Поспешим.

— Скажи — это кто такая? — Заменявший проводника Джантай не оглянулся, но было ясно, о ком он спрашивает.

В родах русского языка киргизский воин давно не путался, а девушка в отряде была одна. К счастью, слышать его слов она не могла, так как отряд прибавил рыси, и смиренная кобылка Саши теперь плелась в хвосте, едва поспевая.

— Ученица моей хорошей знакомой, — не стал вдаваться в детали Дронов. — А чем знакомая занимается — долго объяснять. У вас такого нет. И ваше счастье, я считаю. Просто знай, что в случае чего с ее головы волос упасть не должен.

— Без воли Аллаха ни с чьей головы волос не упадет, — фыркнул воин. — Все понимаю. Но потом про знакомую расскажешь. Хорошо?

— Хорошо. Далеко ли ехать, лучше скажи.

— Нет. Вон — горку впереди видишь?

— Вижу. И тракт уже вижу, он за горку заворачивает. Хотя это холм, скорее. Низковат и кругловат.

— На тракт не надо. Въедем на горку, спустимся, дорогу пересечем — и через... раз, два... Через две четверти часа будем.

— Через полчаса, — машинально поправил капитан. Джантай осваивал русский много быстрее, чем Николай — киргизский, и смеяться над его ошибками офицеру в голову не приходило. — Вполне терпимо.

Взбираясь на низкий каменистый склон, отряд растянулся еще больше — проводник и командир оторвались метров на сорок и достигли гребня первыми. Дронов остановился на вершине, чтобы перевести дух и отхлебнуть из фляжки, так что возглас бугинца застал его врасплох — офицер едва не подавился водой.

— Что за?..

— Внизу! — Джантай указал пальцем.

Только теперь капитан опустил взгляд. И охнул. На дороге, огибающей подножие холма, стоял крупный караван — несколько десятков верблюдов и лошадей, две повозки... До них было около полукилометра. С такого расстояния не составляло труда разглядеть множество человеческих тел, разбросанных вокруг, свисающих с бортов повозок... Пара конских трупов... И не меньше пары дюжин всадников — частью гарцующих вдоль обочин, частью спешившихся и обы-

скивающих тюки с грузом. Мысль о разбойниках можно было отметить сразу — на всех конниках были одинаковые мундиры. Сипай из гвардии хокандского хана.

— Они что, сдурели? — не поверил Дронов. — После всех разгромов мир нарушать?

— Что происходит? — На гребень вместе с солдатами поднялся унтер Григорьев и тоже замер, уставясь вниз.

— Нас заметили, — тем временем бесстрастно констатировал Джантай.

И правда — один из сипаев указал в сторону русских обнаженной саблей, закричал так, что его было слышно и на холме. Остальные от этого в замешательство не пришли — спешенные бросились к коням, остальные принялись перестраиваться, разворачиваясь лицом к возможной угрозе. Бежать хокандцы явно не торопились.

— Они не видят, что по ту сторону холма, и боятся, что нас больше, — прошипел сквозь зубы Николай, медленно вытягивая из кобуры револьвер. — Но как только повернемся и побежим — сразу поймут, что отряд маленький, и бросятся в погоню. Если атакуем — поймут чуть позже. Джантай!

— Да?

— Бери девушку и уводи к Пишпеку.

— Э, брат! — оскалился бугинский воин, сбрасывая с плеча ружье. — Зачем обижаешь?!

— Если друг — не спорь! — рявкнул капитан, резко повернувшись к нему. — Потом вернешься, но ее в крепость уведи. Твой конь самый легкий, если что — пересадишь на него. Понял?

— Вы о чем спорите? — поинтересовалась только теперь взобравшаяся на верхотуру Саша. Вместо ответа Джантай схватил ее лошадку под уздцы и дал своему коню шпоры... Дронову он не сказал ни слова.

— Отлично, — усмехнулся капитан, слушая удаляющиеся возмущенные возгласы юной сыщицы. — Отряд! Построение фронтом! Карабины ...товесь!

Восемь драгун без суеты рассыпались редкой цепью вдоль гребня горки, вытягивая из седельных кобур ружья. Николай, чья позиция оказалась в центре, проверил инди-

катор давления в рукояти револьвера. Стрелка упиралась в край зеленого сектора. И полный барабан свинцовых пульек. Прекрасно...

— Целься!

Хокандцы у дороги закончили строиться и двинулись вперед двумя линиями. Их было много больше, и они намеревались охватить русских с флангов. Помешать этому последние были не в силах. И все же...

— Целиться по концевым!

За драгунами была удобная позиция, с которой враги выглядели как мишени на стрельбище, и огонь русские открыли первыми. Захлопала пневматика. Два... три сипая обмякли в седлах, один тут же мешком свалился наземь.

— Второй залп!

И тут хокандцы ответили. Они стреляли на скаку, и ружья у них были хуже, но второй справа драгун со стоном выронил карабин, схватился за грудь...

— Пли!

Ответным залпом удалось выбить еще двух сипаев, а дистанция к тому мигу сократилась до сотни метров.

— Палаши вон!

Капитан первым подал пример, переложив револьвер в левую руку и обнажив клинок.

— В атаку!

Кавалерийский устав запрещает атаковать вниз по склону. И вверх тоже. Жаль, нельзя попросить врага спуститься на равнину, чтобы все было по правилам...

Два конных отряда сшиблись ближе к макушке холма. Дронов выстрелил в первого хокандского всадника, промчался мимо него, рубанул второго, но тот успел отбить удар... Схватка завертелась каруселью, сползая вниз, к подножию. Командовать было уже нечего и некому, потому Николай рубил, парировал, стрелял, успевая краем глаза следить за общим ходом боя. В какой-то момент револьвер хлопнул сжатым газом вхолостую, и офицер просто отбросил его, поудобней перехватив поводья освободившейся рукой.

— Йи-хи-и! — Налетевший справа сипай промахнулся саблей мимо капитана и случайно рубанул по шее его коня.

Тот дико заржал, вставая на дыбы: драгунских коней обучали плохо, и боли они боялись почти как «гражданские». Дронов успел ощутить миг, в который скакун потерял равновесие, и высвободить ноги из стремян. Когда несчастное животное, не успев встать на четыре копыта, начало валиться, офицер оттолкнулся и прыгнул — неуклюже, боком. Боком же и шлепнулся на каменистую землю, сильно стукнувшись виском. Удар вышиб из него дух, перед глазами поплыли цветные круги, однако Николай нашел в себе силы перекатиться на спину, зашарить ладонью в поисках выпущенного при падении палаша. На него упала тень — один из сипаев остановился над лежащим русским, заслоняя солнце. Замахнулся коротким копьем... И выронил его: стрела с коричневым оперением вошла ханскому гвардейцу под мышку. Еще одна вонзилась его лошади в бок, и та заплясала, забилась, унося раненого наездника прочь.

Сглотнув, Николай повернул голову и увидел, как из-за пригорка лавиной вылетают легкие киргизские конники, осыпая хокандцев градом стрел и пуль, как им навстречу прорываются уцелевшие драгуны... Капитан испустил вздох облегчения и отключился.

ГЛАВА 3

Свет больно резал глаза, и Дронов, едва подняв веки, тут же зажмурился. Высвободил из-под одеяла руку, с силой потер переносицу — будто это могло помочь.

— Ну слава те господи, — проворчал кто-то рядом. — Как себя чувствуете, Николай Петрович?

Капитан, сделав над собой усилие, проморгался как следует и огляделся. Оказалось, что лежит он на кушетке в небольшой чистой комнате, а рядом с ним на табурете устроился поручик Горшков — его зам по драгунской роте, здоровый лысоватый мужик с вислыми усами. Через неплотно задернутые шторы на высоком стрельчатом окне пробивались лучи солнца — было никак не меньше полудня.

— Ох, Остап Кириллович... — Дронов поморщился. — Как будто полночи пил, а полночи дрался... Это что ж я, в госпитале?

— Угу. От щедрот господина коменданта на ваше выздоровление выделена одна из четырех палат для тяжелобольных, самая приличная. Хотя доктор говорит, у вас все цело. Просто головой треснулись.

— И долго я?..

— Вчера вечером привезли, сейчас уже обед. Меньше суток. По-моему, вы и спали больше, чем без сознания валялись. Гоняли же себя до седьмого пота в последние дни — вот тело-то и улучило момент, чтобы отдохнуть, пока хозяин херувимчиков считает...

— И ты все это время тут торчал?

— Нет, всего час сижу. Мы хотели всей ротой по очереди дежурить, да доктор убедил, что беспокоиться не о чем. Велел после обеда заходить.

— Спасибо, братцы... А остальные как? — Николай сел в кровати, подоткнув под спину подушку. Он чувствовал себя вполне здоровым, но ужасно разбитым — ныли суставы, ныли виски, ныло все, что только может ныть, кроме зубов, а руки-ноги двигались крайне неохотно.

— Трое убитых. — Горшков помрачнел и опустил взгляд. — Диментьев, Шапкин и Жагалович. Остальные пятеро — все с ранениями, но почти сплошь царапины. Маркину только пуля в плечо попала, он сейчас здесь же, в общем покое. Прочие вернулись в часть.

— Саша и Джантай целы?

— Да что этому киргизу сделается... Девчушка бледная вернулась, глаза — что твои плошки. Все вокруг раненых суетилась. Но держалась, не плакала. — Поручик одобрительно хмыкнул и огладил усы. — Анастасия Егоровна ее тут же отчет писать усадила, чтобы занять, а вечером к себе домой забрала. Часовые говорят, у них всю ночь над кухней дымок вился, да свет в окошке только перед зарей погас.

Мужчины немного помолчали, потом Остап усмехнулся:

— Смелая она, эта Саша... Я ее видел пока один раз всего, но... Знаешь, как вас выручили?

— Как? — Николай все равно собирался спросить об этом.

— Джантай у дороги патруль повстречал, а мимо как раз караван большой шел. Ну он в Пишпек и не стал ехать — благо среди воинов несколько знакомых его оказалось. Сгреб в кучу и патрульных, и охрану караванщиков, рассказал им про хокандцев... Те и рванулись на помощь — уговаривать не пришлось. Девочку он хотел в обозе оставить, вот тут-то она норов и показала — взяла у караванщиков лошадь получше и поскакала с отрядом. Все равно отстала, куда ей за киргизами угнаться... Успела только к концу боя, однако же ты подумай, а?..

— Да, — улыбнулся Дронов. — К норову бы еще голову умную... Цены не будет. Ладно, как бой прошел?

— Быстро. Хокандцы такого удара не ждали, киргизы их в пять минут вырезали до последнего, никто не сбежал. Пару трупов как доказательство привезли, начальство сейчас совещается — что по этому поводу думать да делать. Странно ведь — зачем ханской гвардии торговцев грабить, особенно у русских под носом?

Капитан согласно кивнул — его и самого удивила такая наглость. Однако развивать тему он не стал — поговорил с Остапом о делах роты и выпроводил его, сославшись на головную боль. Потом Дронова сразу навестил врач, еще раз осмотревший ушибы и ссадины пациента. Николай попытался доказать ему, что полностью здоров и хотел бы заняться работой, однако доктор на уговоры не поддался, лишь уже уходя бросил короткое: «Завтра».

До темноты офицера никто не тревожил. Он лежал на кушетке, бесцельно таращась в потолок, слушая доносящиеся с улицы звуки и наслаждаясь покоем. По его просьбе врач открыл окно, и теплый ветерок шевелил занавески, приятно обдувал лицо. Признав про себя, что денек отдыха вполне им заслужен, Николай задремал...

А ближе к сумеркам в палату заглянула Настя.

— Мне сказали, у тебя легкое сотрясение черепа, — сварливо заявила она с порога.

— Может, мозга? — зевнул Дронов, пытаясь скрыть улыбку.

— Нет, черепа. Мозга там быть не может. — Госпожа сыскальной агент опустилась на табуретку, закидывая ногу на ногу. Николай отметил, что вместо туфель на сыщице теперь высокие кавалерийские сапоги, спереди прикрывающие колени, а к поясу она подвесила кобуру с револьвером. Выглядывающая из кобуры потертая и исцарапанная рукоять внушала уважение — оружием, несомненно, пользовались.

— Как там Саша? — Капитан приподнялся на локте и натянул одеяло повыше, вспомнив, что нижняя рубашка висит на спинке кровати.

— Переживает. В том числе и за тебя. Она у меня добрая... — Настя ухмыльнулась, едва не заставив Дронова сглотнуть. Нет, ну как она это делает? Ведь и лицо приятное, и ничего плохого не подразумевает, а мурашки по спине... — Даже слишком добрая для своей профессии. Ладно... Я тут буквально на минутку.

Девушка наклонила голову, и линзы ее овальных очков полыхнули багряным, попав в луч заходящего солнца.

— Во-первых, я хочу напомнить тебе, Николай Петрович, что ты для меня очень ценный кадр, — ткнула она в офицера пальцем, перестав улыбаться. — Будь добр бережь свое здоровье. Я понимаю, что во всем виновато умение Саши влипнуть в истории, ты просто рядом оказался...

— Скажешь тоже...

— Я шучу, — это прозвучало очень серьезно, Настя даже нахмурилась. — Ты правда мне очень нужен. И еще я не люблю, когда что-то случается с хорошими людьми, а меня нет рядом, чтобы помочь. Пока мы сотрудничаем — попадай в неприятности только на пару со мной. Во-вторых — заваривается серьезная история. Не буду сейчас утомлять — все равно у тебя голова не варит. Завтра, как выпишешься, сразу ко мне в кабинет — поговорим. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Дронов.

— Ну и отлично. — Сыщица встала, одергивая куртку. Подмигнула. — На ужин завтра снова яичница, не опоздай.

— Ч... чего?! — опешил Николай, но за сыскальной агентом уже захлопнулась дверь.

Сбежать из госпиталя удалось во время завтрака — съев только половину порции, капитан тихо проверил прикроватную тумбочку, обнаружил там свои штаны и гимнастерку, выудил из-под кушетки сапоги, оделся, протиснулся в окно и был таков. Тот факт, что одежда, вопреки правилам, хранилась прямо в палате, наводил на подозрения — побег явно был подстроен. И Николай даже догадывался — кем. Однако, вместо того чтобы благодарно поспешить в канцелярию, он сперва направился к казармам. Длинное глинобитное здание сохранилось в крепости еще с хокандских времен. Раньше в двух приземистых корпусах, соединенных перемычкой коридора, квартировали ханские пехотинцы-сарбазы, теперь один был занят полубатальоном линейной пехоты, второй — драгунской ротой и артиллеристами. Вот туда-то Николаю и было нужно.

— Здравья желаю, господин капитан! — приветствовал его дежурный на входе. И тут же не по уставу добавил: — Рад, что вы поправились.

— Спасибо, братец, — кивнул в ответ Дронов. Часовой был из пехотного полубатальона, а не из драгун его подразделения, однако в гарнизоне Пишпека все друг друга хоть немного, но знали. К тому же с тех пор, как Николай официально стал ответственным за организацию патрулей, ему приходилось работать не только с конницей... И он все больше ощущал себя чиновником штаба, а не полевым офицером. Собственно ротой давно руководил поручик Горшков.

— А можно вопрос, господин капитан? — Солдатик со смущенным видом поправил ремень винтовки на плече.

— Какой?

— Правда, что ханцы опять на нас полезли? Они же ведь на вас напали? Это что ж... Опять война?

— Ох, не знаю... — вздохнул капитан и, хлопнув бойца по погону, прошел внутрь.

В казарме, по сути, дел у него и не было — однако стоило в любом случае показаться бойцам, продемонстрировать, что командир жив-здоров. Для порядка Дронов обсудил с Остапом и ротным интендантом организацию небольших поминок в честь погибших товарищей, отбил от вопросов

о хокандцах, одолжил у поручика запасной китель и лишь после этого взял курс на цитадель. По пути прошел сквозь рыночные ряды у ворот, сразу за которыми и стояли казармы. Погода портилась с ночи, небо затянули тучи, грозящие скорым ливнем, однако торговцы исправно открыли свои лотки. На одном из них капитан купил себе горячий пирожок с картошкой и маленькую лепешку — для компенсации уполовиненного завтрака. Лепешка была местной, а пирожок — российского рецепта, который азиатские мастера готовки усвоили влет. Картошки здесь прежде почти не знали, однако оценили быстро.

На третий этаж гражданской канцелярии Николай поднимался, пряча в карман недоеденную половинку лепешки. Теперь к разговору на серьезную тему он был готов.

Когда капитан, постучав, вошел в кабинет, Настя читала у окна, облокотившись о высокий подоконник и подперев щеку ладонью. Видимо, от окна дуло, так как она накинула на плечи свою любимую курточку. Книгу девушка держала на коленях — маленькую, в черном переплете, с пожелтевшими страницами. Николай попытался разглядеть, что в ней написано, однако сыщица тут же захлопнула томик.

— Ты припозднился, — заметила она, вставая и кладя книгу на стол. Стала видна обложка, украшенная вычурным заголовком на арабском. Вязь побледнела, местами стерлась, но спутать ее с чем-то еще едва ли было возможно.

— Пока не темнеет, — парировал Дронов. — Если ты хотела, чтобы я пришел ни свет ни заря, — так бы и сказала.

— Я думала — тебя гложет любопытство. В любом случае... — Настя присела на край столешницы и, усмехнувшись, сложила руки на груди. Кивком указала в угол комнаты: — Сними с вешалки вот эту штуку.

Гадать, что госпожа агент имеет в виду под «этой штукой», не пришлось — кроме Настиной шляпы на крючках висела лишь странного фасона темно-синяя куртка. Капитан взял ее в руки, встряхнул, помял. Оглянулся на девушку:

— Откуда она?